

Каймаразов Гани Шихвалиевич, Каймаразова Лейла Ганиевна, Алибекова Луара Мухтаровна
ТРАНСФОРМАЦИЯ "ОБРАЗА ВРАГА" В СОЗНАНИИ ДАГЕСТАНСКИХ ДЕТЕЙ В КОНЦЕ 1930-Х - 1950-Е ГГ.

Статья посвящена анализу исторического, социокультурного и психологического аспектов трансформации "образа врага" в предвоенные, военные и первые послевоенные годы в сознании дагестанских детей. Исследование выполнено на основе источников личного происхождения с учетом их соответствия другим видам исторических источников. Авторами рассмотрены типы "образа врага", показано влияние идеологических и психологических факторов на восприятие противника в условиях военного времени.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/9/16.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(71) С. 68-73. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

6. Ковалева Г. П. Основания категории «духовность» в онтологии трансцендентного космизма: монография. Кемерово: Кемеровский институт (филиал) РГТЭУ, 2014. 376 с.
7. Никольский А. А. Русский Ориген XIX века Вл. С. Соловьев. СПб.: Наука, 2000. 420 с.
8. Ориген. О началах. Самара: Изд-во «Ра»; Тов-во «Агни», 1993. 318 с.
9. Осипов И. Д. Социальная философия В. С. Соловьева // Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве В. С. Соловьёва: материалы международной конференции (14-15 февраля 2003 г.). Серия «Symposium». СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. Вып. 32. С. 216-232.
10. Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. 860 с.
11. Плотин. Энеады [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psylib.org.ua/books/ploti01/index.htm> (дата обращения: 01.08.2016).
12. Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В. С. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 581-744.
13. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В. С. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 47-548.
14. Шеллинг Ф. В. Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах. Бруно, или О божественном и естественном начале вещей. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 179 с.
15. Hagemester M. Russian Cosmism in the 1920s and Today // The Occult in Russian and Soviet Culture / ed. by B. G. Rosenthal. Ithaca – N. Y.: Cornell University Press, 1997. P. 185-202.

SOCIAL PROJECTS OF TRANSCENDENTAL COSMISTS

Zolotukhin Vladimir Mikhailovich, Doctor in Philosophy
Kuzbass State Technical University
zvm64@mail.ru

The article is devoted to the analysis of cosmos-social projects of the representatives of transcendental cosmism – Plato, Aristotle, Plotinus, Origen, F. Schelling, V. S. Solovyev. The ideas about coevolution and tolerance, found out in these projects, help to work out a right vector of a harmonious, sustainable development in a postindustrial era with the purpose of keeping a socio-cultural stage in the universal evolution.

Key words and phrases: cosmos-social projects; transcendental cosmism; metaphysics of all-unity; tolerance.

УДК 94(470.67)084.8+159.922.7

Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу исторического, социокультурного и психологического аспектов трансформации «образа врага» в предвоенные, военные и первые послевоенные годы в сознании дагестанских детей. Исследование выполнено на основе источников личного происхождения с учетом их соответствия другим видам исторических источников. Авторами рассмотрены типы «образа врага», показано влияние идеологических и психологических факторов на восприятие противника в условиях военного времени.

Ключевые слова и фразы: Великая Отечественная война; Дагестан; дети; «образ врага»; стереотип; исторические источники; источники личного происхождения; воспоминания; сознание; идеологические мотивации и установки; психологические факторы; история повседневности.

Каймаразов Гани Шихвалиевич, д.и.н., профессор

Каймаразова Лейла Ганиевна, к.и.н.

*Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук
kaymarazova@mail.ru*

Алибекова Луара Мухтаровна

*Дагестанский государственный университет
alibekovaluara@gmail.com*

ТРАНСФОРМАЦИЯ «ОБРАЗА ВРАГА» В СОЗНАНИИ ДАГЕСТАНСКИХ ДЕТЕЙ В КОНЦЕ 1930-Х – 1950-Е ГГ.

Еще до начала Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. в Советском Союзе, как, впрочем, и в других странах-участницах Второй мировой войны, целенаправленно велась пропагандистская, идеологическая и психологическая подготовка населения с целью упрочить в сознании народа мысль о неизбежности будущей войны в условиях «враждебного капиталистического окружения», сформировать «образ врага», обеспечить соответствующий моральный дух. В ходе Великой Отечественной войны, когда возникла не только опасность утраты свободы и независимости страны, но и угроза уничтожения самого государства, основными идеологическими установками власти стали патриотизм, единство народа, всенародный, отечественный характер войны.

Целью нашего небольшого исследования стал анализ исторического, социокультурного и психологического аспектов трансформации «образа врага» в предвоенные, военные и послевоенные годы в сознании дагестанских детей.

Актуальность проблемы определяется, прежде всего, слабой изученностью гуманитарной составляющей военно-исторического опыта, осмысление которой имеет непреходящее значение в наши дни для налаживания конструктивных взаимоотношений между Россией и ее бывшими военными противниками.

Выбранная нами проблема – это сравнительно новое направление для отечественных историков, психологов и этнопсихологов, социологов, политологов. Тем не менее зарубежной и отечественной наукой накоплен определенный исследовательский опыт в этой области. В последние десятилетия проблема формирования «образа врага» разрабатывается весьма активно в социальных исследованиях. «Образ врага» становится предметом и историко-психологических исследований. Среди разработок отечественных специалистов заслуживают быть отмеченными исследования Е. С. Сенявской («Психология войны в XX веке. Исторический опыт России») (1999) [7], «Советский солдат в годы Великой Отечественной войны: историко-психологический портрет» (2005) [8]; «Противники России в войнах XX века. Эволюция образа врага в сознании армии и общества» (2006) [6]), И. Б. Гасанова («Национальные стереотипы и “образ врага”») (1994) [3]).

В современной отечественной историографии выделяются несколько основных видов источников, в которых зафиксированы представления современников о неприятеле, причем освещение в каждом из них «образа врага» заметно различается. При решении поставленной нами задачи особый интерес представляют такие источники, как периодическая печать, которая носит в целом пропагандистский характер и отражает официальную точку зрения, и источники личного происхождения – письма, дневники, воспоминания. В нашем исследовании использованы материалы сборников воспоминаний «Был такой город. Махачкала» (2013 г.) [2] и «Детство, опаленное войной. Дагестан. 1941-1945 гг. Воспоминания» (2015 г.) [5]. Нами привлекались воспоминания не только тех детей, кто в годы войны проживал в Дагестане, но и тех, кто оказался в оккупированных врагом районах, а затем, в годы войны или в послевоенные годы, переехал на территорию современного Дагестана. К воспоминаниям, вошедшим в названные издания, в полной мере можно отнести мнение, высказанное авторами коллективной монографии «Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения» о том, что в последние годы стали выходить воспоминания, в большей степени передающие личные впечатления участников войны и более свободные в своих оценках, что повышает их информативную значимость для исследователей [1, с. 112]. Воспоминания, как источники личного происхождения, могут сыграть существенную роль в изучении истории повседневности, образа жизни, социальной психологии, мировоззрения детей военных лет – современников событий Великой Отечественной войны.

В сознании дагестанских детей сложилось два образа врага. Один – «глобальный», сформировавшийся под воздействием официальной пропаганды, второй – «бытовой», который возникал при непосредственных контактах с представителями вражеской стороны: на оккупированной территории (кому пришлось с этим столкнуться), с военнопленными. Доктор исторических наук, ведущий сотрудник Института российской истории РАН Е. С. Сенявская считает, что на изменение образа врага влияли продолжительность войны, ход и характер боевых действий, победы и поражения, настроения на фронте и в тылу, причем более «мобильным» был именно второй, «бытовой», образ. Что же касается первого образа, «глобального», то «он закрепляется в сознании нескольких поколений, приобретает характер “послевоенного синдрома”» [6, с. 72].

На формирование образа врага влияли самые разные факторы, например отношение к войне как к всенародному бедствию, на борьбу с которым надо мобилизовать все силы.

«Фашистов убивайте, славные сыны гор!
Заслуженная награда чтоб украсила вашу грудь.
Врагов уничтожайте, парни!

Чтоб командирами вернулись вы домой!», – воспроизводит в своих воспоминаниях куплет из песни, сочиненной подростками дагестанского села Маали для солдат Красной Армии, М. А. Кудаомарова [5, с. 207].

«В Дагестане учился Гаджиев Магомед.
На фронте одержал он ряд блистательных побед.
Теперь он Советского Союза Герой.
Бьется на фронте с фашистской ордой.

Есть у нас Герои и другие,
Снайперы, артиллеристы боевые.
Есть такие, как снайпер Алиев.
Есть такие, как боец Муртузалиев.

Все они бьются на фронтах войны,
Воюют они так же, как и все бойцы.
Все они герои Советской страны,
Мы хотим, чтобы были такими же Вы», –

написал в своем стихотворении, отправленном на фронт бойцам Красной Армии, ученик 6-го «А» класса школы № 1 г. Махачкалы С. Вагабов [Там же, с. 345].

При этом надо учесть, что представления у дагестанских детей о враге складывались в основном из вторичных источников информации (сообщения в СМИ, письма с фронта, рассказы вернувшихся с войны родственников и т.д.). По типологии «образа врага», предложенной Е. С. Сенявской, у дагестанских детей

сформировались официально-пропагандистский, лично-бытовой и ретроспективный типы образа. В такой же последовательности шел переход от одного типа к другому на протяжении рассматриваемого периода.

«Образ врага», по мнению Е. С. Сенявской, является составной частью идеологической мотивации населения до, во время и после войны «для закрепления государством своих позиций не только в мировой исторической памяти и особенно в памяти своего народа, но, прежде всего, в международных отношениях» [6, с. 26].

К середине 1930-х гг. между СССР и Германией шла настоящая информационная война, хотя после заключения между ними пакта о ненападении (1939 г.) антифашистская и антигерманская пропаганда пошла на убыль. Самую активную позицию в этом противостоянии занимали средства массовой информации. «Конечно, я еще многого не понимал, но ощущал, что время стало очень тревожным. Я со сверстниками играл в “войну” и был уверен, что “Сталин победит Гитлера”», – пишет Г. Ш. Каймаразов [5, с. 175]. «Мы были воспитаны на кинолентах, подобных фильму “Если завтра война”, где вражеские танки взлетали в воздух, как щепки, вражеская пехота “драпала” назад с молниеносной скоростью, а бравая музыка сопровождала эти легкие победы над смешным и глупым врагом. Наша военная доктрина настойчиво утверждала, что если начнется война, то она будет на территории врага, а наша победа станет молниеносной», – вспоминает А. Р. Шихсаидов [Там же, с. 434].

Даже после начала Великой Отечественной войны большинство советских людей считали, что боевые действия будут носить скоротечный и победоносный характер. «В 1941 г., когда началась война, всех учителей нашей школы призвали в армию, школу закрыли. Жила я тогда в Ростовской области. Учителя нас заверяли, что очень быстро разобьют и уничтожат врагов, очистят родную землю от фашизма и вернуться домой живыми и невредимыми. Но война, как смерч, надвигалась на Родину», – делится своими воспоминаниями М. Г. Иноземцева [Там же, с. 155]. «...Вскоре мы стали осознавать, что в первые дни войны никто не представлял всей глубины опасности, нависшей над страной, над мировой цивилизацией вообще... Практика показала: война не кончится так скоро, враг силен, хитер и умен, он основательно подготовился к войне...», – вспоминает А. Р. Шихсаидов [Там же, с. 433-434].

Наступил момент, когда в кратчайшие сроки в условиях перехода от мирных задач социалистического строительства к необходимости действовать в экстремальных условиях военного времени потребовалась перестройка сознания, психологии советских людей. Стало приходиться осознавать то, что предстоит тяжелая, кровопролитная война. Вместе с этим пониманием пришло чувство жгучей ненависти к врагу, а образ врага-фашиста приобрел национальную окраску, немцы стали отождествляться с фашистами, гитлеровцами, а немецкие солдаты на лично-бытовом уровне сравнивались с «бешеными собаками» и «зверьми», которых нужно было уничтожать. В своих воспоминаниях А. Ч. Алиева воспроизводит строки из письма отца с фронта: «Сегодня, когда фашисты хотят поработить наш народ, наше государство нуждается в помощи и поддержке коммунистов. В такой обстановке если я и другие коммунисты не будем в первых рядах защитников Родины, то зачем мы нужны ей?.. Теперь нам надо со всей силы ударить по головам гитлеровских собак!» [Там же, с. 49]. Бывший секретарь школьной комсомольской организации З. Ярковая писала с фронта директору Махачкалинской школы № 1 С. М. Омарову: «За это время многое я увидела, многому научилась и теперь уже совсем иначе смотрю на жизнь... Теперь мы деремся, деремся жестоко с кровавым врагом» [4, с. 451].

Если сначала, на самом первом и самом трудном этапе войны, имели место недоумение и шок от несоответствия довоенных представлений о войне и реально сложившейся на линии фронта ситуации, то после битвы под Москвой наступил перелом в психологии бойцов Красной Армии и возникла уверенность в том, что этого врага можно побеждать. Такой же перелом наступил и в психологии населения страны. По мере роста страданий и бедствий народа ненависть к захватчикам разгоралась сильнее, а когда советская армия, перейдя в наступление, стала освобождать оккупированные гитлеровцами районы, и перед глазами ее бойцов представляли те зверства, которые совершал враг на советской земле, ненависть к нему усиливалась как на фронте, так и в тылу.

Российский кинодраматург В. Л. Фараджев, который, будучи в годы войны ребенком, жил в Махачкале, в своих воспоминаниях писал: «Однажды к нам в поисках ночлега заглянула незнакомая женщина. Она рассказала, как ей удалось избежать расстрела. Жила она под Моздоком и до прихода немцев не успела уйти из города. Ей – еврейке – грозила смерть. Она уже стояла у края рва, куда согнали толпу обреченных. Глаза в глаза видела она своего палача – молодого немца за пулеметом, который стрелял по толпе длинными очередями. “Вы представляете, ясные голубые глаза, – говорила она, – И улыбка... Не убийцы, а человека, который делает вам одолжение, убивает и желает счастливого пути... Муж успел столкнуться меня в ров, до того как пулеметная очередь успела скосить нас. Меня спас, а сам погиб...”» [2, с. 189].

Этот образ врага не был обманчивым: воспитанные в духе фашистской идеологии, идеологии расового превосходства, немецкие солдаты-оккупанты воспринимали себя как расу господ, а на прочие народы смотрели как на неполноценных людей, людей второго сорта.

Вот что вспоминает Е. И. Щебанова о гитлеровской оккупации: «Фашисты относились к населению, как к рабам, не различая ни старых, ни малых. Как сейчас помню, идут по деревне здоровые, откормленные мужики, грязными сапогами толкают калитки. А мы с ребятами спрятались за сарай и смотрим на них испуганными глазенками: вот, мол, какие они зверюги... Фашисты бесцеремонно вламывались в дома, грабили, отнимали домашнюю скотину, топтали огороды. А если кто-то из жителей пытался сопротивляться – сразу убивали» [5, с. 445]. Из воспоминаний М. Г. Иноземцевой: «Второй раз заняли немцы наш город (Ростов) и хозяйничали в нем полтора года. Они отобрали всё: всякую живность, теплую одежду, постельные принадлежности и выгнали нас из домов. Зима была лютая, мы замерзали и голодали. Отец вырыл большую яму, закидал соломой, и мы жили там, как щенята» [Там же, с. 155-156].

Т. Н. Орехова (Развина) вспоминает: «Муж рассказывал о лужах крови в станице (Крымская, ныне г. Крымск Краснодарского края) – такие бои шли, такие потери были. Немцы все же заняли станицу, согнали

местное население, проверяли их, на его глазах немцы расстреляли двух мальчишек, которые чего-то испугались, видимо, крика немцев, и дернулись в сторону» [Там же, с. 368].

Такие картины регулярных казней наносили населению оккупированных территорий, в особенности женщинам и детям, глубокие психологические травмы, влияние которых ощущалось на протяжении послевоенных десятилетий.

Но все же детская память сохранила и примеры относительно гуманного отношения захватчиков к населению оккупированных городов и сел. Правда, они носили не массовый, а, скорее, единичный и скрытный характер, но на фоне бесчинств и беспощадности оккупантов особенно ярко запечатлелись в детском сознании.

«Как-то нас троих детей кто-то закрыл на замок. Окна были зарешеченные, с большими подоконниками. Мы, усевшись на подоконнике, наблюдали, как во дворе школы сутились румынские солдаты. В углу школьного двора стояла их кухня. Несколько раз старый солдат-кашевар проходил мимо окна и видел голодных детей. Проходя в очередной раз, он с оглядкой, чтоб никто не увидел, швырнул в форточку бумажный свёрток. Это была горячая каша. Брат в то время уже стал опухать от голода. Благодаря этому кашевару мы выжили. Через неделю лагерь ушёл из села, и жителей отпустили домой. Бежали все, чтобы быстрее увидеть своих родных. Не спешила только наша мама – она уже не надеялась увидеть своих детей живыми... Сколько было слёз радости, когда мы встретились! Она благодарила Всевышнего и того старого вояку, который спас её детей. А мы даже не знали его имени!» – вспоминает Ж. Г. Рамалданова (Куценко) [Там же, с. 228]. А Э. А. Тыщенко рассказывает, как во время проживания с мамой в оккупированной Одессе ее подозвал к себе какой-то военный: «Он дал мне конфету и спросил у мамы, где мой отец. Мама, измученная, голодная, страдавшая, ответила: “На фронте врагов бьет!”. Немец покачал головой и сказал: “Нельзя так, фрау. У девочки не будет и мамы. Уходите и больше никому не говорите таких слов”» [Там же, с. 411]. Л. С. Григорьянц на начало войны жила в Харькове, который дважды захватывали фашисты. Она вспоминает: «К нам на квартиру на постой определили 4-х немецких солдат, точнее, трое из них были немцы, а один – австриец. Этот австриец запомнился мне лучше всего. Когда он оставался один, то часто причитал: “Зачем эта война? Мне она не нужна. У меня дома хозяйство, дети. Зачем она мне?”. Австриец часто, тайком, пока не видят другие солдаты, помогал нам, делился своим пайком» [Там же, с. 129].

Дагестан относился к тыловым районам страны. Дальность фронта и то, что его население не испытало на себе немецкой оккупации (за редким исключением и лишь на непродолжительное время), делало отношение к врагу более терпимым. В пользу сказанного свидетельствуют не столь эмоционально окрашенные воспоминания С. Амангуловой: «В декабре 1942 г. немцы дошли до аула Батыр-Мурза и до нашего села. Немцы останавливались у каждого дома. Они приехали на машинах, некоторые на мотоциклах, были даже велосипедисты. Мы видели у них пулеметы, автоматы. Заметив виноград, они дали нам ведро, объясняя что-то на своем языке, видимо просили нарвать. Немцы очень любили кур, ловили их по всем дворам. Потом они направились в сторону с. Терекли-Мектеб» [Там же, с. 449].

Таким образом, стереотип «образа врага» может меняться. Так происходит, когда по поводу этого стереотипа за короткий промежуток времени (как это было после заключения Пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом – Г. К., Л. К., Л. А.) или с течением времени представляется большое количество опровергающей информации. «С повышением количества противоречивой информации, люди вписывают “исключения” в стереотипы. Таким образом, чем слабее эмоциональная фиксация на образе врага, тем легче его изменить» [10, p. 98].

Еще об одном аспекте «образа врага» в сознании дагестанских детей.

В сентябре-октябре 1941 г. Государственным Комитетом Обороны был принят ряд решений о переселении немцев из Москвы, Ленинграда, Поволжья, Ростовской, Саратовской, Сталинградской (Волгоградской), Куйбышевской (Самарской) областей, Краснодарского, Ставропольского краев, Северного Кавказа, союзных республик Закавказья и других регионов страны. Цель такого переселения, прежде всего, состояла в том, чтобы увести российских немцев подальше от линии фронта, от наиболее экономически и политически значимых районов страны, на восток.

Секретное постановление «О переселении немцев из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР» было принято Государственным комитетом обороны 22 октября 1941 г. В соответствии с этим решением к переселению следовало приступить 25 октября и завершить его к 30 октября 1941 г. Из Дагестанской АССР переселялось 4000 человек в Казахскую ССР, а перевозка переселяемых осуществлялась по железной дороге и морским путем до Красноводска.

Отсутствие единого решения о депортации российских немцев осложняло ситуацию. Принудительное переселение происходило в экстренном порядке: людям приходилось оставлять практически все свое имущество. При этапировании переселенцев остро ощущалась нехватка воды, продовольствия, медикаментов. Голод, холод, скученность, болезни приводили к высокой смертности детей и стариков. Из воспоминаний Э. Брух: «У дедушки и бабушки Эммы было четырнадцать детей. Из них в живых осталось только четверо! 27 октября 1941 г. началось выселение немцев из Дагестана. Их на телегах отправили в порт г. Махачкалы, посадили на баржу. С 1 ноября по 31 декабря 1941 г. они находились на этой барже, которая по морю направлялась из Махачкалы в порт г. Красноводск. В пути много людей умерло. Умерших привязывали к доскам и опускали в море. Бабушка Эммы потеряла тогда двух детей и похоронила их в море. 31 декабря они прибыли в г. Красноводск, а потом на поездах их отправили в различные районы Казахстана... На новом месте немцам-переселенцам, чем могли, помогали местные жители. Все переселенцы находились под наблюдением комендатуры, без её разрешения из села нельзя было выезжать, иногда доходило до того, что не разрешали им говорить по-немецки» [5, с. 104].

Об отношении местного населения к дагестанским немцам накануне и во время войны уже в наши дни поведала в своих публикациях «Немцы, которых мы потеряли» и «Немцы, которые с нами» корреспондент газеты «Елдаш» («Времена») Н. Хамамова, которая писала о немецком населении, проживающем в Бабаюртовском районе Дагестанской АССР в селениях Люксембург, Львовские номера, Бабаюрт и Татаюрт. «Немцы были трудолюбивым и прогрессивным народом, жили с местными в мире и дружбе, делясь с ними своими навыками и перенимая их опыт. Старожилы с горечью вспоминают, как больно им было видеть обезлюдившие населенные пункты и дома своих добрых соседей. Но лишь самим, наверное, немцам известна та боль расставания, когда они навсегда покидали края, ставшие для них уже родными» [9].

Таким образом, по воспоминаниям дагестанских детей военного времени, российские немцы никак не воспринимались ими как «чужие», как враги.

И еще об одном аспекте «образа врага» по воспоминаниям детей военных и первых послевоенных лет. Известно, что человеческая память не только избирательна, но и дифференцирована. Также дифференцирована память о войне. Воспоминания, сложившийся в них «образ врага» у непосредственных участников боевых действий на фронтах Великой Отечественной и у тех, кто проживал на оккупированной территории, отличаются от представлений о враге, сформировавшихся у населения тыловых районов, не соприкоснувшихся напрямую с боевыми действиями и гитлеровской оккупацией. Есть различия и у представителей разных возрастных групп, последующих поколений, которые уже не воспринимали события минувшей войны столь остро. Приведенные ниже воспоминания отражают трансформацию образа врага в сознании дагестанских детей в первые послевоенные годы.

Л. Дьяконова рассказывает: «После войны в Махачкале появились немцы. Пленные. Они работали и на мебельной фабрике тоже. И мы бегали их подкармливать. Хлеб приносили. И знаете, я вот сейчас думаю, никто же из взрослых нас не одергивал! Такая страшная война была, во многих семьях отцы, деды, братья, сыночки не вернулись, а нам, детям, никто не говорил: “Это враги, это фашисты!”. И пленные по территории фабрики ходили свободно, без охраны. Мы им хлеб таскали, а они мастерили нам из дерева разные штатулочки, ножички, прочую мелочь» [2, с. 33].

В. Л. Фараджев так описал свои встречи с военнопленными-немцами в послевоенной Махачкале: «Летом 1946 г. у подножья горы Тарки-Тау был разбит лагерь для военнопленных. Первыми на разведку отправились мы – мальчишки. На пологом склоне стояли палатки и группа мужчин в потрепанных, мышиного цвета мундирах приводила в порядок территорию. Лагерь охраняли молодые красноармейцы, с короткими карабинами. Кто-то из нас прокричал: “Немец, перец, колбаса!”. Остальные подхватили, стали кричать, улюлюкать, кто во что горазд. Долговязый фриц, сгребавший мусор, глянул в нашу сторону и дружелюбно поднял руку: “Гитлер, капут!”. На обратном пути, едва отойдя от лагеря, мы обнаружили заросли ежевики. Рассредоточились по лощине и принялись лакомиться. Увлечшись ежевикой, я не сразу заметил, что кто-то тоже обирает этот куст. Сквозь ветки я разглядел серую форму и рыжую бородку, и затравленный взгляд. Пленный тоже заметил меня. “Ягода, – старательно произнес немец, – вкусно”. Яростный русский мат донесся до моего слуха, по склону скатился красноармеец, щелкнув затвором, к рыжебородому и с остервенением ударил его в живот. “Сбежать, падла, задумал!” – тупые удары сопровождались выкриками. Немец не оправдывался и не сопротивлялся, после каждого удара он пытался выпрямиться в струнку, в какую-то минуту мне показалось, что удары обрушиваются на меня. До этого все было понятно: в мире есть свои, есть чужие, свои – хорошие, чужие – плохие. Но чтобы плохие вызвали сочувствие, а хорошие наводили ужас и страх...

Каждое утро пленных приводили в город мостить дороги, рыть котлованы, перестраивать старый стадион, они перекапывали землю в скверах и парках, где когда-то стояли таборы беженцев, убирали мусор, сажали деревья. Со временем пленные стали активно общаться с горожанами, особенно с нами – мальчишками. За кусок хлеба можно было выменять открытку с изображением незнакомого немецкого города с готической надписью, за кусочек сахара фотографию храброго офицера со свастикой на рукаве. У всех у нас были уже рейхсмарки, и металлические пфенниги и латунные пуговицы от мундиров, а кое у кого железные немецкие кресты...» [Там же, с. 190-191].

Рассказывает Э. С. Ахмедов: «Я помню, что рядом с нашим домом строилось здание КГБ. Строили его немецкие военнопленные. Вблизи от стройки стояли две сторожевые вышки. Одна из них как раз на углу Ленина – Дахадаева. Нас, мальчишек, на стройку тянуло, как магнитом. Мы, конечно, знали, что эти пленные немцы воевали против нас, против нашей страны. Но я не помню, чтобы тогда, уже в послевоенные годы, мы испытывали к ним ненависть. Не помню я, чтобы взрослые как-то выражали по этому поводу свою неприязнь. Может быть, это было детское восприятие, а может, причиной этому было то, что война закончилась, и победа в этой страшной войне была за нами. Возможно, это было то, что называется “милость победителей”» [5, с. 95].

Таким образом, «образ врага» в сознании дагестанских детей складывался и менялся под влиянием множества факторов. Формироваться он начал еще до войны под влиянием агитации и пропаганды, а с ее началом стал более конкретным, приобретая личностную, эмоциональную окраску. Менялся образ противника и в хронологических рамках – от времени поражений на начальном этапе войны до момента конечной победы. Зависел он и от того, что и сам противник не был однозначным. На формировании «образа врага» сказывались условия и обстоятельства его восприятия (контакты, факты личной биографии) теми, кто делился своими воспоминаниями.

Именно воспоминания, как источники личного происхождения, в силу своей специфики могут широко использоваться при написании историко-психологических исследований, так как они, являясь документами с высокой степенью психологической достоверности, помогают воссоздать «живой образ» исторического прошлого, атмосферу эпохи, психологический фон событий, что способствует их пониманию. Написанные по прошествии десятилетий воспоминания, в которых пережитые события рассматриваются с учетом сложившегося жизненного опыта и некоторых особенностей возрастной психологии, случается, ведут к искажению

минувшей действительности. Обратившись к этому источнику личного происхождения при характеристике «образа врага» в детском сознании, мы пришли к выводу, что они отражают не только факты повседневной жизни, но и индивидуальную духовную деятельность современников событий военного времени.

Итак, воспоминания детей военных лет – это живые исторические свидетельства, которые способны восстановить события, не отразившиеся в других видах источников, и имеют немаловажное значение для исторической реконструкции событий Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет.

Список литературы

1. Безугольный А. Ю., Бугай Н. Ф., Кринко Е. Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М.: ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2012. 479 с.
2. Был такой город. Махачкала: воспоминания. Махачкала: ИД «Эпоха», 2013. 400 с.
3. Гасанов И. Б. Национальные стереотипы и «образ врага». М.: РАУ, 1994. 40 с.
4. Дагестан в годы Великой Отечественной войны. Воспоминания участников событий. Махачкала: Изд-во Даг. ФАН СССР, 1962. 496 с.
5. Детство, опаленное войной. Дагестан. 1941-1945 гг. Воспоминания / сост. М. М. Амирханова, Л. Г. Каймаразова, Ю. М. Лысенко. Махачкала: ИД «МавраевЪ», 2015. 464 с.
6. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 288 с.
7. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 347 с.
8. Сенявская Е. С. Советский солдат в годы Великой Отечественной войны: историко-психологический портрет // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2005. Т. 7. № 2. С. 267-278.
9. Хамамова Н. Немцы, которые с нами // Ёлдаш (Времена). 2007. 8 июня.
10. Stein J. G. "Image, Identity and Conflict Resolution" // Managing Global Chaos: Sources of and Responses to International Conflict / edited by A. Chester, F. O. Hampson et al. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 1996. P. 93-111.

**TRANSFORMATION OF "ENEMY IMAGE" IN CONSCIOUSNESS
OF THE DAGESTANI CHILDREN AT THE END OF THE 1930S – IN THE 1950S**

Kaimarazov Gani Shikhvalievich, Doctor in History, Professor

Kaimarazova Leila Ganievna, Ph. D. in History

*Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Sciences
kaymarazova@mail.ru*

Alibekova Luara Mukhtarovna

Dagestan State University

alibekovaluara@gmail.com

The article is devoted to the analysis of historical, socio-cultural and psychological aspects of transformation of "the enemy image" in the pre-war, war and early postwar years in the consciousness of Dagestani children. The research is conducted on the basis of the sources of a personal origin with account of their compliance with other types of historical sources. The authors consider the types of "the enemy image", and show the influence of ideological and psychological factors on the perception of the enemy in the conditions of wartime.

Key words and phrases: The Great Patriotic War; Dagestan; children; "the enemy image"; stereotype; historical sources; sources of personal origin; memoirs; consciousness; ideological motivation and guidelines; psychological factors; history of everyday life.

УДК 101.1::316

Философские науки

В статье освещается проблема регуляции социальных норм в современном обществе, в котором, наряду с привычными, появляются новые социальные риски. Проблема принятия общественным сознанием одного сообщества ценностей другого и способов их нормативного регулирования требует новых подходов в поиске наиболее оптимальных регуляторов социальных норм во избежание дальнейшей дисгармонизации межцивилизационных отношений и возникновения новых социальных рисков. Автор пытается найти пути гармонизации социальных норм в эпоху глобального столкновения различных культур, мировоззрение каждой из которой вызывает конфликт в общественном сознании другой.

Ключевые слова и фразы: социальная норма; религиозная норма; правовая норма; социальные риски; общество риска; биотехногенные риски.

Камалиева Ирина Ринатовна, к. филос. н.

Челябинский государственный университет

irina.kamaliyeva@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ РИСКОВ

В связи с эволюционирующим усложнением социальных отношений прогрессирует и уровень рискогенности общества для человека. Одновременно с расслоением общественных отношений усложнялась